

Виталий Марков

Происхождение номинативных форм типа лесá, городá в русском языке

Studia Rossica Posnaniensia 2, 117-125

1971

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ВИТАЛИЙ МАРКОВ

Казань

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НОМИНАТИВНЫХ ФОРМ ТИПА *ЛЕСА́, ГОРОДА́* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

I

Есть в исторической грамматике русского языка одна нерешенная проблема, вокруг которой, насколько мы можем судить, ведутся особенно оживленные споры, основанные на существовании ряда гипотез. Это проблема происхождения номинативных форм на *-á* типа *лесá, городá* и подобных. Отмеченные впервые в *Российской грамматике* М. В. Ломоносова, эти формы находят отражение во всех последующих грамматических трудах, которые, между прочим, свидетельствуют о все более решительном проникновении указанных образований в литературный язык. Если учесть, что отдельные случаи употребления форм на *-á* наблюдаются в памятниках начиная с конца XV века, то XVIII век, таким образом, может рассматриваться как ранний период активизации этих форм, позволяющий обнаружить, при обращении к литературным источникам, значительно большее количество необходимых для исследования фактов. Вместе с тем, сохранение целого ряда архаических явлений в литературном языке XVIII века, как кажется, дает достаточно полное представление о характере системных отношений, способствующих возникновению исследуемых новообразований.

Это явление связывается, как известно, с различными предпосылками, из которых важнейшими должны быть признаны следующие: определенный характер подвижного ударения, наличие исходных отношений у существительных среднего рода, переосмысление старых собирательных типа *господа, сторожа*, стабилизация окончаний *-ам, -ами, -ах* и, наконец, существование бывших двойственных форм с окончанием *-а*. Все эти предпосылки, без сомнения, должны быть приняты во внимание. Все они находят какое-то фактическое подтверждение в лингвистических работах, содержащих в своей совокупности огромное количество весьма выразительных данных. Задача дальнейшего изучения заключается, таким образом, в том, чтобы, говоря о возникновении образований на *-á*, выявить условия схождения разнохарактерных

процессов, поскольку дело, очевидно, касается морфологических, семантических и акцентологических причин.

Следует, впрочем, заметить, что использование материалов, содержащихся в работах, неизбежно вызывает серьезные затруднения. В существующих перечнях образований на *-á* оказываются объединенными самые различные факты, в некоторых случаях допускающие мысль об оговорках, о какой-то степени нарочитости, стилизации и т.д. Разумеется, все это создает впечатление исключительной пестроты, затрудняющей основную характеристику отмеченных образований. С другой стороны, отстаивая ту или иную гипотезу, авторы, естественно, пренебрегают целым рядом явлений, которые, с их точки зрения, не имели существенного значения, а между тем в ряде случаев именно эти не отмеченные свидетельства представляют для исследователя особый интерес. Таким образом, необходимость привлечения свежего фактического материала далеко еще не исчерпана и требует дополнительных разысканий.

Последнее, что необходимо подчеркнуть, приступая к рассмотрению конкретного материала, это исключительная сложность и противоречивость тех отношений, которые существовали между живым просторечьем и различными типами литературно-нормированной речи. Формы на *-á*, как сравнительно позднее новообразование, проникали в литературный язык в качестве синонимов по отношению к формам с окончанием *-ы(-и)*, которые, соответствуя давней традиции, уступали им далеко не всегда. Литературный язык XVIII века дает, как известно, немало свидетельств сосуществования разнофлективных образований, в ряде случаев отличающихся сферой употребления и наличием определенных стилистических оттенков. При этом соотношение некоторых форм было, по-видимому, настолько неясным, что оказывалась вполне естественной известная непоследовательность в интерпретации соответствующих фактов, находящихся отражение в писательской практике.

В связи со сказанным следует вспомнить известное место из *Российской грамматики* М. В. Ломоносова: *Некоторые вместо ы или и в окончании имени множественного принимают а: берегъ, береги и берега; лугъ, луги и луга; лесъ, леса и леса; островъ, острова и острова; снегъ, снеги и снега; стругъ, струги и струга; колоколь, колоколы и колокола; одно только а имеют: рогъ, рога; бокъ, бока; глазъ, глаза.* Сосредоточив внимание на образованиях *снеги — снега*, мы вспомним и другой, не менее известный отрывок из стихотворения *Искусные певцы всегда в напевах тцатся*:

*Без силы береги, но с силой берега
И снеги без нея мы говорим снега;
Довольно кажут нам толь ясныя доводы,
Что ищет наш язык везде от И свободы.*

Как будто бы речь идет о преимуществах формы на *-á*, а между тем у Ломоносова эта форма не встречается вообще, при значительном количестве случаев

употребления „*снеги*”. Сравнить: *От стран, родящих град и снеги, С Атлантской буря высоты Стремится чрез бугристы бреги* (I, 651 - 13)¹. *Одoleваешь зиму, снеги* (I, 791 - 4). *Любезная теплота, кротким своим пришествием разогнав морозы и снеги, питает вас тучною влагою* (II, 358 - 14). *Открываю вам летом далеко протекающие реки и гладкие снеги зимою подстилаю* (II, 362 - 13). *Нижним слоем почитается ближайшая к земле часть воздуха ..., в которой части происходят все перемены погод, ясное и пасмурное небо, дожди, снеги, грады, громы, морозы, тишина, бури, радуги и другие явления* (III, 471 - 5). *Приносит с собою снеги и морозы* (III, 473 - 7). *В долинах и ущелинах снеги никогда не сходят* (V, 542 - 23). Более того, указывая как единственно возможное образование *рога*, Ломоносов тем не менее использует форму *роги* (впрочем, в значении музыкального инструмента): *Среди охотничей тревоги Лесами раздаются роги* (VIII, 793 - 8).

Картина употребления форм на *-á* в русском литературном языке XVIII века представляется нам тем более противоречивой, что при незначительном количестве этих форм по сравнению с современным русским языком мы находим среди них и такие, которые теперь невозможны. Так, например, в *Грамматике* Н. Г. Курганова (издание девятое) о нужных нам существительных сказано следующее: „*Некоторые принимают -а: берегъ, берега; бокъ, а; глазъ, а; рогъ, а; боть, бота и проч.*” (стр. 13). Любопытно, что формы „*бота*” нет даже в самых пространных и обстоятельных перечнях форм. Таким образом, процесс распространения образований на *-á* характеризуется рядом противоречий, делающих вопрос о происхождении этих образований особенно запутанным и сложным.

II

Для того, чтобы подойти к решению этого вопроса, необходимо, как кажется, прежде всего обратиться к таким категориям слов, которым, по различным причинам, не свойственно наличие множественных образований на *-á*. Речь в данном случае идет о существительных женского рода и, в первую очередь, о существительных, принадлежащих к основам на *-а*. Как известно, эти существительные, отличаясь устойчивостью флексий, претерпели существенные изменения в области ударения, изменения, связанные с акцентным противопоставлением форм единственного и множественного числа. В частности, при наличии в единственном числе ударения на флексии, в формах множественного числа ударение перетягивалось на основу в процессе акцентного выравнивания всех форм парадигмы. Общее направление этого процесса представляется достаточно ясным и может быть легко установлено путем сопоставления показаний языка XVIII века с языком современным. Сравнить: *Воин*

¹ Примеры даются по *Полному собранию сочинений* М. В. Ломоносова в 10 томах-изд. АН СССР. Римская цифра указывает на том, арабские — на страницу и строку.

рад наш об удаче; Огонь погас; конец бедам (Т. I, 277)². *Преодо всеми что есть Луна звездами, Зришься то сама ты между цветами* (там же, 283). *Дабы сама вся украсилась Толь от Прекрасных в Женах* (там же, 295). *Сей, как древо при водах, Процветает насажденный* (там же, 307). *Он неумолим дарами; Лжи не потемнен играми* (там же, 313). *Да постыдятся все, гонзая В погибель сами по судьбам* (там же, 363). *На их сугубый меч топлами смерть бежит* (там же, 439). *В снесь повержены зверям, Воющим в страх по зорям* (там же, 318). *Слух тогда разнесся на Элисийских полях, Что ты жизнь кончаешь, Полиарх, на сих землях* (там же, 461). *Нет пользы в том как мне, так им вреда в грозях* (там же, 611) и т.д.

Для XVIII века все эти формы, естественно, вполне закономерны, как закономерны они и для более поздней поры. „Выравнивания по ударению именительного-винительного — пишет Л. А. Булаховский — осуществляются в истории языка первой половины XIX века медленно, касаются относительно небольшого количества слов и встречаются у немногих писателей”³. Активизация отмеченного процесса приходится, таким образом, на вторую половину XIX века, в результате чего в современном русском языке лишь немногие существительные продолжают сохранять акцентные различия между формами именительного-винительного и косвенных падежей. Иными словами, речь идет о сравнительно редком сохранении отношений типа *губы* — *губах*, *головы* — *головах*, *ноги* — *ногах*, *бороды* — *бородах*, *слезы* — *слезах*, *щеки* — *щеках*, *руки* — *руках*, *стороны* — *сторонах*, *волны* — *волнах*, *горы* — *горах*, *свечи* — *свечах*, *деревни* — *деревнях*, *сопли* — *соплях*, *ноздри* — *ноздрях* и т.д.

Приведенными образованиями почти исчерпывается ряд существительных, характеризующихся в современном литературном языке сохранением акцентных различий между формами множественного числа. О причинах исключительности этих образований могут быть высказаны различные догадки и, в частности, может быть высказано предположение о роли, которую сыграл в данном случае семантический фактор: основу приведенного списка составляют, как нетрудно заметить, слова, обозначающие различные принадлежности тела. Этот факт, как увидим из дальнейшего, поможет выяснить некоторые частности, касающиеся развития номинативных образований. Сейчас для нас важно лишь то, что на фоне всех прочих существительных женского рода основы на *-а* отмеченные образования занимают особое место, что проявляется, между прочим, и в тех диалектных явлениях, которые свидетельствуют о возможности обобщения флективного ударения, свойственного формам дательного, творительного и предложного падежей. Эти явления примечательны потому, что обобщению ударения может сопутствовать усво-

² Сочинения Тредьяковского, СПб 1849.

³ Л. А. Булаховский, *Русский литературный язык первой половины XIX века* изд. 2, т. 1, Москва — Киев 1954, стр. 155.

ение флексии —*á* столь необычной для существительных женского рода. Действительно, обращаясь к примерам, предлагаемым в книге С. П. Обнорского *Именное склонение в современном русском языке* (II, 56), мы прежде всего обнаруживаем именно те существительные женского рода, которые были указаны выше. Прежде всего это касается формы *голова*, выступающей в предложных сочетаниях типа *под голова, в голова* и подобных. Из других образований, приводимых С. П. Обнорским, привлекают внимание образования *нога* (*пирязала яму нага*), *гора* (*крутьи гора*), *деревня* и другие. К сожалению, С. П. Обнорский не указывает главного: ударения в косвенных падежах — и поэтому интерпретация приводимых им образований, естественно, оказывается затруднительной. Однако на основании всего того, что мы знаем о номинативном окончании —*á*, можно, как кажется, уверенно полагать, что таким диалектным образованиям, как *гривá, грядá* или *судья́*, в исследованных говорах несомненно соответствовали формы типа *гривáм, грядáм, судья́м* и другие.

Если, например, у С. П. Обнорского мы находим неожиданное *гнать в три шея*, то тут же приходится вспомнить и просторечное *по шеям*, объясняющее необычную форму. Особенно показательно отмеченное С. П. Обнорским сочетание *три верста* (*на три верста дальше*), возможность которого подтверждает наш вывод о роли находящихся под ударением окончаний —*ам, -ами, -ах*, поскольку именно в сочетаниях с числительными формы множественного числа существительного *верста* характеризуются ударением на флексии (сравнить: *вёрстах*, но — *в трех верста́х*). В дополнение к примерам, приводимым С. П. Обнорским, укажем отмеченное у В. К. Тредьяковского образование *волна*, свидетельствующее о возможности раннего проникновения рассматриваемых новообразований в литературный язык: *Зашумели Ветры! Вспенились Волна! Возмутилось Дно! Бездны зазияли! И вострепетала влажна Глубина!* (I, 376). Очевидно, все приведенные факты говорят об одном: между ударенными флексиями в формах дательного, творительного и предложного падежей множественного числа и ударенным окончанием —*á* существует несомненная связь. Привлечение соответствующего диалектного материала не оставляет сомнения в том, что развитие форм, противопоставленных по месту акцента, могло приводить, при обобщении последнего, и к обобщению флективного гласного, о чем подробнее будет сказано ниже.

Говоря о существительных, принадлежавших основам на —*a*, мы, таким образом, имеем дело с ничтожным количеством фактов ввиду последовательного устранения отношений типа *но́ги* — *нога́м*. Гораздо полнее подобные отношения представлены в формах имен существительных, принадлежавших основам на —*i*. Принимая во внимание такие образования, как *ло́шади* — *лошадя́м, ча́сти* — *частя́м, ма́тери* — *матеря́м, двéри* — *дверя́м* и многие другие, мы вправе были бы ожидать проявления значительно большей способности к усвоению номинативного ударенного —*я*. И действительно,

мы находим подтверждение нашему предположению в следующем замечании С. П. Обнорского: „Более широкие рамки получило распространение флексии *-а(-я)* у имен женского рода IV типа в склонении”⁴. Далее С. П. Обнорский приводит целый ряд засвидетельствованных в говорах форм типа *матеря́, дочеря́, вещьá, лошады́, дверя́, площады́* и т.д. На фоне всех этих форм особого внимания заслуживает широко распространенная форма *церквá*. В ней мы видим не только окончание *-á*, но и твердость согласного основы — свидетельство несомненной зависимости от образований *церквám, церквáми, церквáх*. Следовательно, и здесь мы имеем дело с всей той же тенденцией обобщения флективного гласного, находящегося под ударением.

Впрочем, между формами существительных, принадлежавших основам на *-а*, и формами существительных, принадлежавших основам на *-i*, имеется, естественно, существенное различие: для одних флексии *-ам, -ами, -ах* являются исконными, для других — приобретенными в процессе взаимодействия с первыми. Это значит, что в данном случае вопрос о формировании определенных акцентных отношений неизбежно смыкается с вопросом о становлении новых окончаний, причем есть все основания думать, что последние в ряде случаев характеризовались усвоением именно ударенного *-а*. Наличие таких образований, как *лошадя́мь, речáмь* (наряду с архаическими *лóшадемь, рéчемь*) в памятниках, относящихся к XVII веку, то есть ко времени, когда активизировался процесс проникновения новых окончаний в формы существительных основы на *-i*, представляется достаточно выразительным, поскольку оно проясняет одну из существенных сторон исследуемого морфологического явления. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что у существительных основы на *-i* сложившийся комплекс множественных форм (*лóшади, лошады́м, лошады́ми, лошады́х*) противопоставляется, как правило, формам единственного числа, характеризующимся ударением на основе. Следовательно, формы типа *лóшади* (при *лошадя́*) и формы типа *гóроды* (при *городá*) по существу представляют однотипные в определенном отношении парадигмы.

III

Большой знаток древнерусского ударения В. В. Колесов, исследуя современные псковские говоры, замечает: „Так как ударение на флексии во множественном числе появилось в псковских говорах вместе с обобщением падежных флексий существительных женского рода множественного числа (*-ам, -ами, -ах*; на это как будто и указывают рукописи XVI века, отражающие начало изменения: новое для северных говоров ударение может быть только в тех падежных окончаниях, которые примерно в то же время получают новую флексию), основное изменение в современных (южно)псковских говорах

⁴ С. П. Обнорский, *Именное склонение в современном русском языке*, вып. II, Ленинград 1931, стр. 58.

заключается в обобщении конечного ударения в тех формах множественного числа, которые еще сохраняют ударение на корне. Положение здесь то же, что и в единственном числе: стремление провести единое ударение по всей парадигме, в данном случае, обобщить ударение на флексии”⁵.

Очевидно, отмеченный В. В. Колесовым процесс имеет значение не только для характеристики псковских говоров, поскольку аналогичные изменения прослеживаются и на ином материале. Важно здесь то, что исследователь отмечает непосредственную связь между стабилизацией конечного ударения и восприятием новых окончаний, которые, в конечном счете, определяют соответствующие преобразования в формах именительного и винительного падежей. Таким образом, и у существительных мужского рода эти преобразования базируются на отношениях типа *гóроды — городáм, лésы — лесáм, óстрова — островáм*, то есть на отношениях, которые в русском литературном языке XVIII века еще представляли достаточно устойчивую норму. В этом легко убедиться, обратившись, например, к поэтическим произведениям М. В. Ломоносова. Примеры: *Трава и лес растет, где дома были сперва* (VIII, 160 - 3), но — *В церквях, по стогнам, по домам Несчетно множество народу* (VIII, 777 - 22). *Расправьте парусы, с огнем гребите вслед* (VIII, 165 - 9), но — *Узрела, что ужь флот отходит парусами* (там же — 2). *Одoleаешь зиму, снеги* (VIII, 791 - 4), но — *Хотя всегдашними снегами Покрыта северна страна* (VIII, 203 - 13). *Когда бы древни веки знали Твою щедроту с красотой* (VIII, 101 - 11), но — *Но в нынешних веках нам Микроскоп открыл, что Бог в невидимых животных сотворил* (VIII, 519 - 19). Полагаем, что рассмотрение этих отношений вне какой бы то ни было связи с аналогичными отношениями в формах существительных женского рода было бы странным недоразумением. Тем более было бы странно говорить о каких-то иных предпосылках возникновения номинативных образований на *-á*, нежели те, о которых было сказано выше: очевидно, и здесь речь должна идти о схождении процесса акцентного выравнивания множественных форм и процесса обобщения ударенного гласного. Подобно тому, как противопоставление форм типа *гóловы — головáм, мáтери — матерáм* могло разрешаться путем возникновения образований *головá, матерá*, аналогичное противопоставление в области форм мужского рода, то есть форм типа *гóроды — городáм, óстрова — островáм*, естественно, могло приводить к возникновению образований типа *городá, островá* и подобных. Если это допущение справедливо, то вопрос о самом появлении номинативного *-á* в образованиях типа *лесá, городá* оказывается легко разрешимым: при наличии указанных отношений представлялось бы загадочным отсутствие соответствующих форм. Иное дело вопрос о причинах особой активности этих образований, о их проникновении в ли-

⁵ В. В. Колесов, *Развитие акцентологических типов в псковском именном склонении*. Сб. Псковские говоры, II, Псков 1968, стр. 62.

тературный язык, о их взаимодействии с формами на *-ы(-и)* в различных семантических и стилистических сферах. Очевидно, при решении этого вопроса как раз и окажутся важными те перечисленные выше предпосылки, из которых важнейшей, как об этом убедительно свидетельствует имеющийся материал, является наличие обобщенного гласного при соответствующих акцентных отношениях в формах имен существительных среднего рода.

Прежде всего необходимо отметить особую роль существительных среднего рода в процессе распространения новых окончаний в формах дательного, творительного и предложного падежей. „Для русского языка — писал И. В. Ягич — не подлежит сомнению, что первые стали переходить в окончание на *-ам* слова среднего рода, для которых уже в именительном падеже предшествовало образцом окончание на *-а*”⁶. Сейчас это мнение, подтвержденное рядом наблюдений, принимается большинством, и, следовательно, у нас есть основания для того, чтобы говорить о двусторонности отмеченных отношений, которые позволяют рассматривать номинативные образования на *-á* как одно из проявлений формообразующей соотнесенности в системе множественных форм. Что касается ударения, то существительные среднего рода характеризуются той же тенденцией закрепления акцента на флексии при наличии в единственном числе ударения на основе. Иными словами, ударенность новых окончаний определяла перетяжку ударения в формах именительного и винительного падежей. Представление об этом процессе может быть получено при привлечении материалов, извлеченных из акцентованных текстов XVII - XVIII веков. Так, в книге *Учение и хитрость ратного строения пехотных людей*, исследованной Х. Стангом, обнаруживаются такие отношения, как *плéча*, но — *плечáхъ*; *дéла*, но — *делáми* (ср. *дéлехъ*); *крьíла*, но — *крылáмъ*, *крылáми* (ср. *крылехъ*) и т.д. Ср. у Тредьяковского: *И с неба крьíлами летит благосердность белыми явно* (1,441), но — *То садится всяка там, крьíла оправляет, то всходящу уже дню песньми поздравляет* (там же, 444) и т.д. Если, таким образом, учесть очевидный параллелизм в усвоении новых окончаний существительными мужского и среднего рода, наличие аналогичных изменений в области акцента, сходство форм, обусловленное единым характером древней основы, и, наконец, достаточно многочисленные случаи родового параллелизма, исследованные, в частности, в работе Г. И. Демидовой⁷, то вывод о „поддерживающей” роли существительных среднего рода в процессе появления и распространения форм типа *лесá*, *городá*, естественно, окажется вполне достоверным.

⁶ В И. Ягич, *Критические заметки по истории русского языка*, СПб 1889, стр. 116.

⁷ Г. И. Демидова, *Новообразования именительного падежа множественного числа на -а имен существительных мужского рода в памятниках XV - XVII вв.* Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Историко-филологический факультет. Т. 164, ч. IV, Ленинград 1958.

В результате схождения различных формообразовательных тенденций номинативное ударенное *-a* приобретало, таким образом, характер самостоятельной морфемы, проявляющей значительную активность при условии акцентного противопоставления числовых парадигм. В систему отмеченных отношений были втянуты и такие образования, как *бокá, глазá, рогá* (выступавшие наряду с образованиями *бóки, глáзы, рóги* при образованиях типа *бокáм*), в которых конечное *-á* с известными оговорками может пониматься как остаток пережиточной двойственной формы. Сказанное определяет ту роль, которую сыграли указанные образования в развитии рассматриваемого нами процесса: в качестве существительных мужского рода они, несомненно, способствовали активизации усвоения номинативного *-a*, но при этом, конечно, не выступали как ведущий источник индукции.

То же следует сказать и о формах типа *сторожá*, поскольку из сказанного выше становится очевидным, что принадлежность категории одушевленности не играет в данном случае какой бы то ни было роли.

В заключение необходимо подчеркнуть, что, охватывая непроезженные имена указанной акцентной парадигмы, исследуемый процесс, как правило, не касается производных существительных, для которых ударение оказывается обусловленным закономерностями определенного словообразовательного типа.

THE ORIGIN OF NOMINATIVE FORMS OF THE TYPE *ЛЕСА́, ГОРОДА́* IN MODERN RUSSIAN

by

VITALIJ MARKOV

Summary

The present article is an attempt at showing that the rise of nominatives of the type *лесá, городá*, is due to the complex process of accentual levelling affecting the plurals and to the extension of an accented vowel to all plural nominatives. Here observations concerning the accentual pattern of the case forms of feminine noun plurals seem to speak for themselves. As long as we are aware of the fact that the elimination of the accentual incompatibility in forms like *го́ловы — головáм, матери — матеря́м* was connected with the occurrence of nominative plurals of the type *головá, матеря́*, that is, forms rather unusual form feminine nouns, we may assume that nominatives like *города, острова* resulted from the analogous accentual incompatibility in masculine nouns of the type *го́роды — городáм, о́строва — островáм*.